

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Комментарии

Если попытаться сформулировать, чем же конкретно отличается хороший художник от хорошего ученого, то я бы сказал так: во-первых, художник вскрывает идеографическую сущность явлений, их неповторимость, своеобразие, индивидуальность, тогда как труд ученого номотетичен, ученый оперирует абстракциями и обобщениями. Во-вторых, и художник, и естествоиспытатель обнаруживают проблемы, задают вопросы, выдвигают гипотезы, но художник, в отличие от ученого, не ставит перед собой задачу разрешить проблему, найти ответ на вопрос, подтвердить гипотезу. Эти функции, как правило, – исключительная прерогатива ученого. Ученый чем-то похож на бизнесмена, на спортсмена или хирурга – он прагматик, он оперирует данными, которые можно проверить, подтвердить или опровергнуть. Его труд более конкретен, результаты его труда позволяют нам оценить правоту его суждений и предположений. Если ученый утверждает, что изобрел велосипед, то мы можем увидеть чертежи, пощупать руками опытный образец и узнать, сколько велосипедов его конструкции сошло с конвейера. Совсем другое дело – труд учителя, художника, преподавателя, психотерапевта или священника. За сорок лет неустанного труда они могут так и не достичь хоть каких-то результатов, однако это не мешает им хорошо себя чувствовать, они будут говорить себе, что делают хорошее, полезное дело. Так, психотерапевт может всю жизнь делать одну и ту же ошибку и называть это "богатым клиническим опытом".

Тому из читателей, кто понимает революционность этого заявления и желает подробнее ознакомиться с этим вопросом, я рекомендовал бы обратиться к книге М.Полани *Personal Knowledge* (376). Это великая книга. Ее довольно трудно читать, но я советую вам "продраться" через нее. Если же у вас нет времени, желания или сил для того, чтобы штудировать столь грандиозный труд, то рекомендую прочесть мою книгу "Психология науки: переосмысление" (292) – в ней в краткой и удобной форме изложены те же самые положения. Данная глава и эти две книги вместе с работами, упомянутыми в библиографии к ним, дают достаточно полное представление о том, какой след оставило в науке новое гуманистическое течение *Zeitgeist* (Дух Времени).

"Молодежь со школьной скамьи приучалась к научному труду, подростки составляли внушительные монографии, посвященные какой-либо проблематике. "Оригинальное исследование" – так это называлось у них. Чтобы написать хорошее "оригинальное исследование", нужно было обнаружить некие, до сих пор малоизвестные факты, пусть даже частного свойства и не представляющие в данный момент особой ценности, – рано или поздно они все равно могут понадобиться какому-нибудь специалисту. Полчища ученых многочисленных университетов обобщали их труды, творили своды и

критические обзоры, настойчиво и терпеливо исписывая горы бумаги ради таинственных, загадочных целей". (Ван Дорен К. Tree Worlds. Harper & Row, 1963, p. 107.) "Или сидят они целыми днями с удочками у болота и оттого мнят себя глубокими; но кто удит там, где нет рыбы, того не назову я даже поверхностным". (Ницше. "Так говорил Заратустра". М., Мысль, 1990, с. 130. Перевод Ю. М. Антоновского.) "Болельщик" – это тот, кто сидит и смотрит, как соревнуются спортсмены.

"Мы беремся за то, что умеем делать, вместо того, чтобы попытаться сделать то, что должны сделать". (Ансхен, Р., ed., Science and Man, Harcourt, Brace&World, 1942, p. 466.)

"Нужно любить вопросы" – Рильке. "Вот в чем ответ: О чем спросить, не знаю". – Л. Маклэйш, The Hamlet of A. MacLeish. Houghton Mifflin.

"Гений – это передовой кавалерийский отряд, чей молниеносный прорыв позволяет далеко продвинуться вперед, за линию фронта, но такое продвижение неизбежно оставляет фланги открытыми". (Кёстлер А. The Yogi and the Commissar, Macmillan, 1945, p. 241.)

"Ученый удостоивается звания "великого" не столько за то, что находит решение какой-то проблемы, сколько за то, что поднимает проблему, решение которой... означает реальное движение науки вперед". (Кэнтрил Г. An inquiry concerning the characteristics of man, J. abnorm. social Psychol., 1950, 45, 491-503.)

"Сформулировать проблему гораздо важнее, чем решить ее; последнее скорее зависит от математических или экспериментальных навыков. Для того, чтобы задать новый вопрос, открыть новую возможность, посмотреть на старую проблему с новой точки зрения, необходимо иметь творческое воображение, и только оно движет науку вперед". (Эйнштейн А. и Инфелд Л. The Evolution of Physics, Simon and Schuster, 1938.)

Сэр Ричард Ливингстоун из Оксфордского Колледжа Праздника Тела Христова определяет ученого-исполнителя как человека, "который досконально знает свою работу, но не понимает ее конечной цели и ее места в универсуме". Кто-то другой, не помню кто, аналогичным образом охарактеризовал эксперта. Эксперт – это тонкий знаток деталей и полный профан по существу вопроса, не имеющий права на ошибку.

Более подробное обсуждение приведенной здесь аргументации можно найти в работе Мюррея с соавторами Explorations of Personality (346).

Например, Янг (492), вообще исключает из своей теории мотивации понятие цели или намерения на том лишь основании, что мы не можем спросить крысу о ее намерении. Но ведь мы можем спросить об этом человека, и разве сама по себе возможность спросить имеет хоть какое-либо значение? Разумнее и логичнее в таком случае было бы отказаться не от понятия "цель", а от экспериментов с крысами.

С возрастом, по мере когнитивного и моторного развития ребенка круг незнакомых стимулов постепенно сужается, они становятся для него все менее угрожающими и все

более подконтрольными. Можно сказать, что обучение исполняет одну из главных конативных функций – оно нейтрализует угрозу при помощи ее познания, помогает ребенку не бояться грома, объясняя ему, что такое гром.

Для того, чтобы убедиться в наличии потребности в безопасности у маленького ребенка, достаточно пронаблюдать его реакции на взрыв петарды, на приближение незнакомого бородатого мужчины, на прививку, на уход матери, на мышь или паука в его постели и на другие экстремальные события. Я ни в коем случае не призываю намеренно подвергать ребенка таким испытаниям, ибо они могут серьезно навредить ему, но в повседневной жизни подобные ситуации встречаются довольно часто, и мы могли бы воспользоваться ими вместо того, чтобы проводить специальные эксперименты, направленные на обнаружение рассматриваемой здесь потребности.

Нельзя сказать, что все неврозы обусловлены неудовлетворенной потребностью в безопасности. Причиной для развития невроза может стать потребность в любви или потребность в уважении, не нашедшие своего удовлетворения.

Мы не знаем, все ли люди испытывают такие желания. Но вопрос не в этом. Сегодня более актуально звучит другая проблема – всегда ли порабощение и угнетение вызывают недовольство и бунт? Клинические данные и наблюдения позволяют нам предполагать, что человека, познавшего вкус истинной свободы (свободы, основанной не на отказе от безопасности и зависимости, а на адекватном удовлетворении потребности), поработить не так-то просто. Но мы не знаем, насколько это утверждение справедливо по отношению к человеку, рожденному в рабстве. Более подробно этот вопрос обсуждается в других работах (см. 145).

Более подробно проблема здоровой самооценки обсуждается в работах, упомянутых на странице 109, там же приведены результаты исследований, посвященных этому вопросу. Также советую обратить внимание на работы Мак-Клелланда и его коллег (326, 327, 328) и другие (473).

На активность, носящую бесспорно творческий характер, такую, например, как занятия живописью, как, собственно, и на любой другой вид активности, человека может подвинуть множество причин. Наблюдая за творческим процессом, вы вряд ли ошибетесь в том, удовлетворен творец или нет, счастлив или несчастлив, испытывает голод или пресыщен. Кроме того, ясно, что творческая активность сама по себе еще не может служить свидетельством креативности человека. Поводом для активности такого рода могут оказаться компенсаторные механизмы; для сердца, переполненного чувствами, тонущего в них, творчество может стать мелиоративной деятельностью, защищающей рассудок от бушующих страстей; в конце концов, причины для творческой активности могут быть даже очень грубыми и материальными. Позволю себе выдвинуть следующее предположение (это предположение основывается на личных наблюдениях): при внимательном анализе продукта творческой или интеллектуальной деятельности несложно определить, насколько удовлетворен в своих базовых потребностях его создатель. В любом случае, при анализе творческой деятельности крайне полезным будет учитывать принципы динамической психологии, которые помогут отделить сам

поведенческий акт от его мотивации, от его целей.

"Человеческое существо отличается искренним интересом к миру, ему свойственна потребность в действии, в эксперименте. Человек получает глубочайшее удовлетворение от исследования реальности. Он не видит в реальности ничего опасного или угрожающего его существованию. Чувство безопасности перед лицом окружающего мира уходит своими корнями в самые глубины человеческого организма. Человек ощущает угрозу только в специфических ситуациях и только в условиях депривации. Но даже в таких условиях он предчувствует скорый конец неприятных ощущений, понимает, что они временны и в конце концов отступят, что он вновь спокойно взглянет на окружающее и испытает чувство безопасности в соприкосновении с миром". (412, р. 220)

Приняв подобную трактовку понятия "болезнь" мы неизбежно должны будем обратиться к исследованию взаимоотношений человека и общества. В данном случае запускается следующая логическая схема: 1) если мы утверждаем, что человек, базовые потребности которого не удовлетворены, – больной человек, и 2) если причины его неудовлетворенности лежат вовне, в окружающей среде, в обществе, следовательно 3) болезнь индивидуума есть результатом болезни общества. В таком случае следует принять следующее определение хорошего, здорового общества: хорошим можно считать то общество, которое, удовлетворяя базовые потребности своих членов, высвобождает их высшие потребности, стремления и цели.

Все, что прозвучит в этом разделе, относится только к базовым потребностям.

Далее мы покажем, что оценка степени базового удовлетворения может быть использована как основание для классификации типов личности. Если мы будем рассматривать каждую ступень удовлетворения как шаг по направлению к зрелости, как движение личности к самоактуализации, то мы получим схему для построения теории развития, перекликающуюся с теориями Фрейда и Эриксона (123, 141).

Ученых, придерживающихся подобного взгляда на человека, великое множество. Я не имею возможности назвать их всех и упоминаю лишь некоторых, стоящих у истоков этого течения. Список членов Американской Ассоциации Гуманистической Психологии содержит сотни имен, некоторые из которых можно найти в библиографии (69, 344, 419, 441).

"Но разве нельзя предположить, что примитивная, бессознательная сторона человеческой натуры может быть эффективно укрощена или даже радикально трансформирована? Если мы отвергнем это предположение, то наша цивилизация обречена (р. 5). За благопристойным фасадом сознания с его дисциплиной, моралью и чистыми помыслами скрываются грубые, вульгарные инстинктивные силы, страшные, непримиримые, неистребимые монстры подсознания. Они редко заявляют о себе открыто, но именно их энергия, их неиссякаемая сила питает нашу жизнь: без них живые существа были бы инертны как камни. Но если бы мы поддались произволу этих сил, позволили им повелевать нами, то жизнь утратила бы свой смысл, свелась к

непрерывному циклу "рождение-смерть", как это было в теплых водах протерозойского океана (р. 1). Инстинктивные силы, вызвавшие переворот в Европе и за десять лет уничтожившие результаты многовековых усилий цивилизации... (р. 3). До тех пор, пока религиозные и социальные структуры способны сдерживать и в какой-то мере удовлетворять внутренние и внешние потребности членов общества, эти инстинктивные силы дремлют, и мы забываем об их существовании. Однако, время от времени они пробуждаются и врываются в нашу упорядоченную жизнь, поднимая страшный шум и переполох, безжалостно выдергивая нас из умиротворенного покоя. Но, несмотря на эти встряски, мы наивно продолжаем считать, что человеческому разуму подвластен не только мир природы, но и мир наших инстинктов" (р. 2). (Хардинг М.Е. *Psychic Energy*, Pantheon, 1947.)

Сама по себе угроза не обязательно патогенна; наряду с невротическими и психотическими, существуют и здоровые способы ее преодоления. Более того, даже явно угрожающая ситуация может не представлять психологическую угрозу для конкретного человека. Бомбежка, при которой существует реальная угроза жизни, может быть менее угрожающей для человека, чем насмешка, оскорбление, предательство друга, болезнь ребенка или несправедливость, творимая по отношению к совершенно посторонним ему людям. Кроме того, угроза может способствовать укреплению личности.

И здесь нужно подчеркнуть, что сама по себе травма еще не обязательно означает травматизацию. Травма может содержать в себе психологическую угрозу, но не обязательно. Скажу больше: для человека, успешно преодолевшего травматическую ситуацию, сама травма может иметь воспитательные и укрепляющие последствия.

Концепции, анализируемые в данной главе, носят столь общий характер, что они применимы к самым разным типам экспериментальных исследований. Например, в этой главе я мог бы говорить о текущих исследованиях феноменов репрессии, забывания и персеверации невыполненных заданий, или об исследованиях, непосредственно касающихся проблемы конфликта и фрустрации.

Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить Комитет по социальным исследованиям, который оказал мне финансовую поддержку, благодаря чему я смог совершить эту поездку.

Это заявление относится главным образом к людям старшего поколения, которых я исследовал в 1939 году. С тех пор наше общество сильно изменилось.

Должен предупредить, что здесь следует избегать излишней резкости противопоставления. Большинство поведенческих актов имеет как экспрессивный, так и функциональный компоненты. Например, ходьба может, в одно и то же время, и приближать человека к какой-то цели, и нести в себе экспрессивное значение. Однако мы, в отличие от Олпорта и Вернера (8), допускаем теоретическую возможность существования чисто экспрессивных актов, к каковым, вероятно, относятся фланирование (в отличие от ходьбы), стыдливый румянец, грациозность движений,

жалкую позу, посвистывание, радостный смех ребенка, творчество ради творчества, истинную самоактуализацию и т.п.

Это заявление следует рассматривать независимо от конкретных формулировок теории мотивации. Например, его можно распространить и на гедонизм. Его можно перефразировать следующим образом: "Функциональное поведение устремлено к похвале и бежит от порицания, желает наград и боится наказания; экспрессивное поведение не чувствительно к этим вещам, по крайней мере, до тех пор, пока оно остается экспрессивным".

В нашем обществе, отличающемся чрезмерным прагматизмом, все пропитано духом функциональности, духом инструментализма. Он вездесущ, мы функциональны, когда говорим о любви ("занятия сексом полезны для здоровья"), о спорте ("физические упражнения улучшают пищеварение"), об образовании ("учись, или в дворники пойдешь!"), о пении ("...развивает легкие"), об отдыхе ("активный отдых – крепкий сон"), о погоде ("...будет хороший урожай"), о чтении ("нужно быть эрудированным человеком"), о нежности ("ты ведь не хочешь, чтобы твой ребенок вырос невротиком"), о доброте ("делай людям добро, и воздастся тебе"), о науке ("интересы национальной безопасности") и об искусстве ("что бы делала реклама без искусства!")

Я воздержусь от рассмотрения конкретики символических актов, поскольку при этом слишком велик соблазн погрузиться в анализ увлекательнейшей, но чрезмерно объемной проблемы символизма. Что касается снов, то очевидно, что помимо ночных кошмаров людям снятся как функциональные сны (например, сны об осуществлении желаний), так и экспрессивные сны (например, тревожные сны). В принципе последнюю разновидность снов можно было бы использовать в качестве своего рода проективного теста для диагностики характерологической структуры

Обычно неосознанные потребности выражаются в снах, видениях, в эмоциональных поступках и непреднамеренных действиях, в описках и оговорках, в непроизвольных жестах, смехе, навязчивостях, рационализированных чувствах, проекциях (иллюзиях, заблуждениях убеждениях), фантазиях, в бесчисленных осознанных желаниях, в психопатологических симптомах (особенно конверсионно-истерического круга) и в таких проективных ситуациях и тестах, как игра в дочки-матери, сочинение историй (ТАТ), рисование пальцем, рисунок человека. Со своей стороны я добавил бы к этому перечню ритуалы, церемонии, народные сказки и тому подобные вещи

Хороший пример приводит Мекил. Он рассказывает о женщине, страдающей истерическим параличом. Врач сообщил больной ее диагноз, и, спустя несколько дней все симптомы, связанные с истерическим параличом, пропали. Однако через некоторое время женщина впала в коллапс и была госпитализирована. В больнице у нее не обнаружили симптомов паралича, но диагностировали истерическую слепоту. Сторонники так называемой "поведенческой терапии" в последнее время добиваются удивительных успехов, они устраняют негативную симптоматику, не причиняя вреда своим пациентам. По-видимому, замещающая функция симптомов – не столь распространенное явление, как полагают психоаналитики.

Источники взяты из работ, указанных в библиографии (58, р. 97), (68, pp. 264-276) См также руководство и библиографию к Тесту Самоактуализации Шострома (425, 426)

С точки зрения вечности (лат.)

Чувство общности (нем.)

Я глубоко признателен Тамаре Дембо за помощь в анализе этой проблемы.

Любовь самоактуализирующегося человека, или любовь на уровне Бытия, – это постоянная, добровольная и полная самоотдача, в которой нет места оговоркам, тайным умыслам и расчетливости, вроде тех, что сквозят в высказываниях некоторых молодых женщин "А ты помучай ею немножко", "Пусть он поволнуется", "Не позволяй ему садиться тебе на шею", "Пусть поревнует", "Люби, люби, но стой на своем", "Тот, кто любит сильнее, оказывается в проигрыше".

Шварз, Освальд. The Psychology of Sex. Penguin Books, 1951, р. 21. "Сексуальное влечение и любовь различны по своей природе, и все же они зависят друг от друга и дополняют друг друга. Для здорового, зрелого человека сексуальное влечение и любовь неотделимы друг от друга. Таков фундаментальный принцип психологии секса. Если сексуальные отношения даруют человеку только физиологическое удовлетворение, их можно рассматривать в качестве признака сексуальной патологии (незрелости и т.п.)".

Балинт М. On genital love, Int. J. Psychoanal, 1948, 29, 34-40 "Если вы, заинтересовавшись проблемой генитальной любви, возьметесь перелистать психоаналитическую литературу, посвященную этой проблематике, вы очень скоро обнаружите два поразительнейших факта а) о генитальной любви написано гораздо меньше, чем о догенитальной любви, б) почти все, что написано о генитальной любви, написано в негативном ключе". (См также Балинт М. The final goal of psychoanalytic treatment, Int. J. Psychoanal, 1936, 17, 206-216, р. 206.)

Фрейд, Зигмунд. Civilization and Its Discontents. "Всем своим поведением он демонстрирует, что ему неважно, любим он или нет, что главное для него – его проявление любви. Он обесценивает преимущества роли любимого и переносит их на роль любящего, и это позволяет ему избежать зависимости от объекта любви. Он старается защититься от возможной утраты объекта любви, даруя свою любовь не конкретному человеку, а всему человечеству, пытается застраховаться от разочарований генитальной любви, отказываясь от ее естественной цели – сексуального контакта – трансформируя свой сексуальный инстинкт в ненаправленный импульс. В результате он пребывает в состоянии неизменно нежного отношения к человечеству, которая внешне, казалось бы, не имеет ничего общего с изменчивой, строптивой генитальной любовью, но в действительности выступает ее производной". (р. 22)

Балинт М. On genital love, Int. J. Psychoanal., 1948, 29, 34-40. "Чтобы избежать этой

ловушки (акцента на негативных характеристиках), давайте рассмотрим идеальный случай постамбивалентной генитальной любви, любви, в которой нет не только амбивалентности, но и рудиментов догенитального отношения к объекту. Что же мы увидим? А. Мы не обнаружим в ней жадности, ненасытности, не обнаружим желания поглотить объект, сделать его своей частью, лишить его независимого существования, то есть не обнаружим оральных черт. В. В такой любви нет желания унижить, причинить боль, нет стремления доминировать господствовать над предметом любви, то есть нет садистических черт. С. В ней нет желания запятнать объект любви, надругаться над ним нет неприятия сексуальных желаний и удовольствий партнера. В такой любви человек не боится, что его действия вызовут у партнера отвращение, и в то же самое время мы не обнаружим здесь и влечения к порочным, к неприглядным качествам партнера – одним словом, эта любовь лишена анальных черт. D. Здесь нет места гордости по поводу обладания пенисом, нет страха перед гениталиями партнера и своими собственными гениталиями, нет зависти к мужским или женским гениталиям, нет чувства ущербности, несовершенства, нет неприятия своих гениталий или гениталий партнера, то есть нет следов фаллической стадии и кастрационного комплекса... Итак, что же это такое – "генитальная любовь" – помимо отсутствия вышеперечисленных догенитальных черт? Излагая проблему коротко и конкретно, можно сказать, что человек любит того человека, который может удовлетворить его и которого может удовлетворить он, то есть того, с кем он может одновременно или почти одновременно испытать оргазм... Возможность генитального удовлетворения – необходимое, но не достаточное условие генитальной любви. Мы знаем, что генитальная любовь представляет собой нечто большее, чем чувство благодарности к партнеру за генитальное удовлетворение. Мы также знаем, что генитальная любовь может иметь место и при отсутствии взаимного удовлетворения и взаимной благодарности. Так что же это такое – генитальная любовь? Помимо генитального удовлетворения в настоящей любви мы обнаруживаем такие феномены как 1) идеализация, 2) нежность, и 3) особая форма отождествления. Таким образом, в корне ошибочен уже сам термин "генитальная любовь"... То, что мы называем генитальной любовью, представляет собой сплав противоречивых элементов, столь разнородных как генитальное удовлетворение и догенитальная нежность... Наградой человеку за страх, за напряжение, которые неизбежны в результате слияния противоречий, становится возможность кратковременной регрессии в счастливое, инфантильное состояние неведения..." (р. 34).

Различия между дефицитной любовью и высшей любовью подробно описаны в другой моей работе (295, pp. 42-43).

Шварц, Освальд. *The Psychology of Sex*, Penguin Books, 1951: "Любовь награждает человека удивительной способностью обнаруживать в предмете своей любви достоинства и добродетели, недоступные взгляду равнодушного наблюдателя. Эти достоинства реальны, они не придуманы любящим человеком и не есть плодом его иллюзий; любовь – не самообман", (pp. 100-101). "...мощный эмоциональный компонент, несомненно, присутствует в любви, но любовь – это прежде всего когнитивный акт, позволяющий проникнуть в скрытую сущность личности, познать ее глубинные первоосновы" (р. 20).

"Даже признавая, что он (разум) не знает представленного ему объекта, он считает, что его незнание заключается только в том, что он не знает, к какой из давно известных категорий можно отнести этот объект, в который ящикек картотеки следует поместить его, какой костюм, из имеющихся в гардеробе науки, будет ему впору. Он не знает, что перед ним – объект А, объект В или объект С? Причем и А, и В, и С – это обязательно объекты понятные, давно известные ему. Мысль о том, что новый объект следует отнести к категории Х, что для его классификации требуется создание нового концепта и, возможно даже, новый метод мышления, даже не приходит нам в голову. Но посмотрите на всю историю философии – науки, которая являет собой образец вечного конфликта систем. Она учит нас тому, что не так-то просто облачить реальность в готовое платье готовых концепций, что всякий раз приходится заново снимать с нее мерку. Но нашему разуму невдомек этот урок, он уклоняется от решения этой проблемы и с горделивой скромностью заявляет, что ему нет дела до абсолютных истин, что его интересуют лишь относительные категории. Он вполне обезопасил себя этой декларацией – теперь он чувствует себя вправе мыслить в соответствии с привычными шаблонами, раздавать относительные оценки всем явлениям, не обращая внимания на его истинное значение, не пытаясь вынести сколько-нибудь однозначного суждения о нем. Корни такого мировоззрения уходят к платоновскому принципу познания, которое он понимал как обнаружение некой предустановленной Идеи. Платон полагал, что для познания реальности достаточно заключить ее в предсуществующую систему координат, уже имеющуюся в нашем распоряжении, поместить эту реальность в рамки некоего имплицитного, универсального знания. Платоновская точка зрения на познание близка свойствам холодного интеллекта, наш разум словно создан для того, чтобы каталогизировать каждый новый объект, помещать его в ту или иную, уже существующую, рубрику. В этом смысле можно сказать, что все мы в известной степени платоники". (46, pp. 55-56.)

Попытка провести различия между вышеназванными подходами предпринималась и другими психологами. Например, Курт Левин (274) говорит об аристотелевском и галилеевском подходах в науке. Гордон Олпорт (6) говорит о необходимости "идеографического" подхода к личности, противопоставляя его "номотетическому", а многие ученые, занимающиеся проблемами семантики, подчеркивают, что между отдельными переживаниями больше различий, чем сходства (215). Все эти рассуждения не только подтверждают главную мысль этой главы, но и были использованы при ее написании. Ниже мы обсудим некоторые из любопытнейших вопросов, которые неизбежно возникают вследствие предложенной Куртом Гольдштейном дихотомии "конкретное-абстрактное" (160). Советую также обратить внимание на книгу Итарда Wild Boy of Aveyron.

Немало экспериментальных данных, поясняющих поднятую здесь проблему, можно найти в блестящем исследовании Бартлетта (33).

"Для человека любого возраста, от младенца до глубокого старца, нет способности более полезной, чем наше умение превращать новое в старое, чем наша способность воспринимать любое явление, несущее в себе угрозу сложившейся системе представлений, не как незваного гостя, а как старого знакомого У нас не вызывают

интереса и удивления те вещи, для обозначения которых в нашем распоряжении нет готовых определений или стандартов поведения" (211, Vol. II, p. 110)

"Даже слабая концентрация внимания влечет за собой селекцию, в результате чего сознание четко фиксирует одни стороны реальности, игнорируя другие, причем выбор этот всегда продиктован нашими желаниями и ожиданиями. Однако именно этой селективности мы должны избегать, потому что, идя на поводу у собственных ожиданий, мы рискуем иметь дело лишь с тем, что уже известно нам, а потворство собственным желаниям неизбежно приводит к фальсификации реальности. Полезно было бы всегда помнить о том, что смысл услышанного, как правило, можно постигнуть только некоторое время спустя". "Таким образом очевидно, что принцип равномерного распределения внимания становится естественным продолжением нашего требования к пациенту – сообщать психоаналитику все, что проносится в его сознании, не подвергая свои мысли критике и селекции. Терапевт, игнорирующий этот принцип, лишает себя очень многих преимуществ, которые могут быть получены за счет подчинения пациента "фундаментальному правилу психоанализа". Это правило можно сформулировать следующим образом "Внимание нужно очистить от усилий, от старания, только тогда будет открыт простор "бессознательной памяти". Можно переформулировать его еще проще "Не напрягайся, просто слушай пациента"" (139, pp. 324-325)

Как в любой банальности, в этом противопоставлении таится опасность. Говоря о различиях между научным и художественным видениями реальности, я далек от желания навек разлучить их. На мой взгляд, ученые могут и должны быть интуитивны, артистичны в своем подходе к реальности, они должны научиться доверять своим впечатлениям и уважительно относиться к непосредственному эмпирическому опыту, даже если они не могут найти ему теоретического обоснования. И наоборот, научное исследование и познание реальности может углубить восприятие художника, сделать его более достоверным и более зрелым. Мой призыв к целостному восприятию мира в равной мере относится и к ученому, и к художнику.

"Чем-то это похоже на приемы низкопробной беллетристики. Ее также можно рассматривать как олицетворение вербальной ригидности во всех ее формах: содержательной, формальной и оценочной. Фабула, персонажи, действие, ситуации, "мораль" – все стандартизовано до предела. Штампованные слова и фразы похожи друг на друга как братья-близнецы. Благодаря этому персонаж воспринимается нами не как характер, а как тип, мы мгновенно узнаем в нем злодея, сыщика, бедную девушку, сына начальника и т.д." (215, p. 259) Специалисты по семантике утверждают, что как только индивидуум соглашается с социальной категоризацией, тут же и другие начинают воспринимать его не как индивидуума, а как категорию.

"Интеллект непроизвольно начинает поиск уже известных ему элементов в представшей перед ним проблемной ситуации, он ищет подобия в надежде применить уже известное ему решение. Именно в этом и состоит способность предвидеть будущее. Наука в состоянии сделать максимально точный и надежный прогноз, однако принцип ее действия остается неизменным – как и житейская интуиция, наука предпочитает иметь дело с повторяющимися элементами. Она расчленяет реальность на отдельные

элементы или отдельные стороны, которые представляют собой более-менее точную репродукцию элементов или сторон прошлой реальности. Наука умеет обращаться только с воспроизводимым". (46, pp. 34-35) Считаю необходимым вновь подчеркнуть (см главы 1 и 2, а также Приложение В), что в настоящее время мы стоим у истоков новой философии науки, новой концепции знания и познания, которая будет опираться на такие понятия как "холистичное" (не отрицая "атомистичное"), "неповторимое" (не отрицая "повторяющееся"), "человеческое" и "личностное" (не отрицая "механистическое"), "изменчивое" (не отрицая "постоянное"), "трансцендентное" (не отрицая "позитивистское"). Советую обратить внимание на другие труды (292, 376) и библиографию к ним.

"Ни одно явление не тождественно другому, и ни одно явление не остается неизменным. Если вы усвоили эти два принципа, то поступайте, как вам заблагорассудится. Вы можете даже игнорировать их, можете вести себя так, как если бы некоторые явления были подобны друг другу, а некоторые вечно пребывали неизменными – то есть можете действовать по шаблону. И это будет разумно, потому что различия между явлениями, как и сущность динамики явления, зачастую не столь существенны. Но если вы отдаете себе отчет в их существовании, если вы всегда руководствуетесь задней мыслью о том, что для начала было бы неплохо оценить ситуацию и решить, не требует ли она особого отношения к себе, то можете довериться своим привычкам – вы знаете, когда отказаться от них. Не существует абсолютно надежного навыка или всегда уместного шаблона поведения. Шаблоны хороши до тех пор, пока они не сковывают ваше мышление, пока они не диктуют вам, как следует поступать, до тех пор, пока вы в состоянии в нужный момент отказаться от них. Менее рассудительные индивидуумы становятся рабами собственных привычек и потому совершают множество глупостей и ошибок". (215, p. 199)

Библиографы:

Написал учебник как-то кто-то из столпов науки,
Помянув в нем добрым словом Бласса, Боуна и Брука
И с тех пор со всех сторон поминают добрым словом
В рефератах и в трактатах тех же Брука, Бласса, Боуна.
Если ж кто-то поддается ненаучному капризу,
Не желая восхищаться Бруком, Боуном и Блиссом,
И цитирует меня, – будет впредь ему наука,
Будет, знаете ль, освистан,
Будет, знаете ль, оплеван
"Что за глупости – нет Брука!
Ни словечка нет о Блиссе!
Ни словечка нет о Боуне!"
Артур Гюйтерман (167)

"Не имеет смысла определять память как способность разложить воспоминания по полочкам или вписать их в дневник В психике человека нет ни полочек для воспоминаний ни дневника для их регистрации, собственно говоря, нельзя говорить и о

способности, потому что память – это не качество человека, она проявляется только время от времени, в силу необходимости или по желанию индивидуума, тогда как сопоставление накопленного опыта не прекращается ни на мгновение...

Мы всегда смутно ощущаем, что наше прошлое имеет для нас силу настоящего, даже если не отдаем себе в этом отчета. Что есть личность, характер, если не сгусток нашего опыта, накапываемого с самого момента нашего рождения, а, быть может, даже с момента зачатия, ибо что может быть важнее нашего самого первого опыта, опыта слияния двух клеток, опыта, в результате которого мы приобрели право на самостоятельное существование? Наш рассудок постигает лишь малую часть накопленного опыта, но наши желания, побуждения и поступки обусловлены всей жизнью, начиная с момента обретения души. Мы можем сказать, что человек движим импульсами, посылаемыми ему его прошлым, он ощущает прошлое как некую основополагающую идею". (46, р. 7-8)

"Интеллект настойчиво ищет аналогий в предстающей перед ним реальности и, увлеченный этим занятием не в состоянии заметить ту новизну, которую несет в себе каждое мгновение жизни. Он не признает непредвиденного, он заклятый враг всякого творчества. Он заведомо знает, что определенная причина вызывает определенный результат, и что этот результат выступает функцией данной причины. Он также исходит из того, что определенная цель диктует применение определенных средств для ее достижения. И в том, и в другом случае человек имеет дело с уже известным знанием, пытаюсь сопоставить его с другим известным знанием, то есть занимается воспроизведением прошлого опыта". (46, р. 180)

"Способность человека использовать однажды выработанные реакции на ситуацию, которую часто, но неверно называют "модифицирующим влиянием опыта", вступает в противоречие с требованиями непрерывно изменяющейся среды которая диктует человеку необходимость приспособления гибкости и вариативности реакций. Способность к использованию прошлого опыта – весьма сомнительное благо, она порождает фиксированные серийные реакции и приводит к стереотипизации поведения". (33, р. 218)

"Чтобы быть хозяином положения, человек должен соответствовать бесконечно изменчивой реальности, непрерывно корректируя способ взаимоотношений с ней, в то же самое время он должен быть свободным от влияния обстоятельств". (46, р. 301)

"Обретая свободу, человек тем самым подтверждает реальность того, от чего он освобождается. Свобода немыслима без постоянного труда обретения свободы, привычка, автоматизм убивают свободу. Живая мысль, облеченная в слова, умирает, превращается в ледяное изваяние. Слово оборачивается против идеи. Буква убивает дух" (46, р. 141)

"Навык может содействовать прогрессу, но он – не единственный и далеко не главный путь к прогрессу. Именно с этой точки зрения и следует рассматривать его. Навык содействует развитию, когда помогает нам экономить время и энергию – но сам по себе

он не означает прогресса, если мы не используем сбереженное время и энергию для разумной модификации поведения. Например, вы приучаетесь бриться автоматически, а значит, у вас появляется дополнительное время для размышлений о проблемах действительно важных для вас. И в этом состоит огромная польза навыка – если только, размышляя об этих важных проблемах, вы не приходите постоянно к одним и тем же решениям". (215, р. 198)

"Именно эти четыре фактора – природная леность, склонность ассимилировать новый опыт и превращать его в старый, традиции и любовь к успеху – мешают развитию нашего мышления. Человеческая история знает лишь несколько периодов по настоящему бурного интеллектуального развития и истинно революционного мышления. На протяжении нескольких столетий, от античных времен до эпохи. Возрождения, человечество удовлетворялось цитатами из Платона и Аристотеля. После этого Галилей и Декарт обеспечили нас таким запасом фундаментальных идей, которых нам хватило и до сего дня. Поневоле приходится признать, что большую часть человеческой истории лучшие умы человечества были заняты преимущественно обработкой старых идей".

"Ясность и упорядоченность мышления позволяют нам иметь дело с заранее спрогнозированными ситуациями, служат необходимым основанием для поддержания социальных отношений. Однако мышление не может быть только упорядоченным. Выход за пределы ясности и порядка совершенно необходим для эффективного взаимодействия с непредвиденным, которое служит источником радости и прогресса. Бытие, закованное в кандалы структуры, деградирует. Способность к восприятию зыбкого и неструктурированного необходима для постижения нового". (475, р. 108)

"Квинтэссенция жизни – в нарушении предустановленного порядка. Универсум не желает подчиняться умерщвляющему влиянию структуры. Универсум не признает порядка, но сам устремлен к новому порядку вещей, и именно эта устремленность становится первичным условием опыта. Нам еще предстоит истолковать и объяснить это стремление к новизне структуры, найти меру успеха и меру неудачи". (475, р. 119)

Любопытно, что мнение гештальт-психологов по этому вопросу во многом совпадает с точкой зрения современных философов, которые рассматривают решение проблемы с позиций тождества или тавтологичности решения самой проблеме. "Полное понимание существа проблемы означает, что каждый ее элемент соотнесен с уже понятым. Таким образом, понимание – не более чем повторение понятого. И в этом смысле здесь есть тавтология". (475, р. 71). Думаю, под этими словами с легким сердцем подписались бы многие логики-позитивисты.

В практическом смысле, на уровне поведения этот принцип выражается словами: "Не знаю, посмотрим". Такое отношение к проблеме означает, что, оказавшись в незнакомой ситуации, человек не пытается применить к ней прошлый опыт. Он словно говорит себе: "А ну-ка посмотрим, что же это такое", и в этих словах проявляется его готовность воспринять все составляющие данной конкретной ситуации, которые отличают ее от других, уже известных ему ситуаций, готовность реагировать на ситуацию соответствующим образом.

"Такой подход к новой ситуации не имеет ничего общего с робостью или нерешительностью, с "неумением принимать решения". Скорее, он представляет собой один из методов принятия обдуманного, взвешенного решения. Этот метод служит определенной гарантией от тех ошибок, которые мы допускаем, когда оцениваем человека по первому впечатлению, или судим о конкретной женщине, сидящей за рулем, как о "женщине за рулем", заочно осуждаем или одобряем чье-то поведение. В основе всех этих ошибок лежит наше отношение к человеку не как к конкретной и неповторимой личности, а как к представителю определенного класса или типа людей, – мы слишком уверены в своем мнении о том или ином типе людей и потому лишаем себя возможности адекватно воспринимать конкретного человека". (212, pp. 187-188)

Блестящий анализ динамики этой проблемы можно найти в работах Фромма (145). Эту же тему, но в несколько ином ключе, затрагивает и Эйн Рэнд в своем труде *The Fountainhead* (388). Забавной и поучительной в этом отношении мне кажется также книга *1066 and All That* (490).

"Сложившаяся система преподавания естественных наук может натолкнуть стороннего наблюдателя на мысль о том, что наука – это строгое архитектурное сооружение, из века в век возвышающееся на центральной площади мироздания. А между тем, само существование и ценность системы научного знания целиком и полностью зависят от того, насколько она готова воспринять новые факты и возможные альтернативы, от ее способности подвергнуть ревизии самые незыблемые, на первый взгляд, постулаты".

"Я переписывал книгу из книг долгие годы.
Знай, что написано в ней, только то и имеет значение.
Если глядишь ты вокруг и впадаешь в сомнение, –
Заново книгу прочти в назиданье Природе". (475, p. 59)

Тема мистицизма подробно проанализирована в работах Олдоса Хаксли *The Perennial Philosophy* (209) и Уильяма Джеймса *The Varieties of Religious Experience*. (212)

Советую обратиться к сочинениям Джеймса Джойса и к современным трудам, посвященным теории поэзии. По существу, поэзия призвана к тому, чтобы попытаться передать самобытность переживания, для которого большинство людей "не находит слов", а если не передать, то хотя бы выразить его. Поэзия – это способ облачить в словесную форму эмоциональный опыт, по сути своей безъязычный. Поэзия стремится описать словами свежее и неповторимое переживание, не упрощая его, не пользуясь штампами, которые заведомо не могут быть ни свежими, ни неповторимыми. Задача, которую ставит перед собой поэзия, почти безнадежна, ведь поэт вынужден для ее решения пользоваться многократно используемыми словами; конечно, он может каламбурить, играть словами, придавать им новые значения, сплестать их в замысловатые сочетания и т.п. – пусть они не смогут передать его переживания, но он все же надеется с помощью слов вызвать в чем-то сходное переживание у своего читателя. Пожалуй, можно счесть за чудо, что иногда у него получается это. И если поэту удастся придать неповторимое значение давно известному слову, его способ соотношения с читателем становится подобным тому, которым пользуется Джеймс

Джойс или апологеты современного нерепрезентационного искусства. Эта мысль прекрасно сформулирована в предисловии к необычному рассказу В.Линкольна, напечатанному в одном из сентябрьских номеров The New Yorker за 1946 год.

"Почему событие всегда застаёт нас врасплох, почему книги и опыт друзей ничему не учат нас? Сколько раз мы смотрели смерти в глаза, сколько раз сопереживали любви молодых героев, сколько рассказов о супружеской неверности, о воплощении и крахе честолюбивых надежд прочитано нами! Любое событие, которое может случиться с нами, уже много раз случалось с другими людьми; оно давно зарегистрировано, описано и проанализировано со всей возможной тщательностью и достоверностью; человеческий разум терпеливо и настойчиво создавал историю человеческой души, и мы прочли этот учебник от корки до корки", прежде чем отправиться в путешествие под названием "жизнь". Но то, с чем мы сталкиваемся в реальной жизни, оказывается абсолютно непохожим на свое описание, – оно ново и незнакомо нам, мы беспомощно застываем перед ним, понимая, что никакие слова не могут передать его сущность.

И тем не менее, мы упорно отказываемся признавать тот факт, что индивидуальная жизнь не поддается описанию. Стоит нам пережить потрясающее душу событие, мы торопимся тут же рассказать о нем другим людям, выразить его словами, искажая свое переживание, обманывая и умерщвляя его".

"Самым очевидным образом данный феномен проявляется в оценочном наименовании. Я изобрел этот термин, желая подчеркнуть присущее человеку стремление оценивать людей и ситуации в соответствии с их названиями. В сущности, это стремление равнозначно стремлению найти способ классификации явлений, выработать типичную реакцию на них. Мы классифицируем явления, основываясь, главным образом, на их названиях. Назвав явление, мы склонны оценивать его и реагировать на него в терминах данного ему названия. В нашей культуре мы приучаемся оценивать имена, названия, обозначения, слова совершенно независимо от тех реалий, которые скрываются за ними". (215, р. 261)

"...достаточно вспомнить, сколь различен социальный статус и уровень самоуважения "проводниц" в пассажирских поездах и "стюардесс" в самолетах, а ведь эти две категории работников заняты, в сущности, одним и тем же делом – обслуживанием пассажиров". (187) Советую также обратить внимание на работы других авторов. (490)

Я бы посоветовал ученым с большим уважением относиться к поэтам, по крайней мере, к великим поэтам. Ученые считают язык науки самым точным, самым отточенным языком, все прочие средства коммуникации, на их взгляд, не точны или не адекватны. Но в том-то и парадокс, что зачастую поэзия отражает реальность если не точнее, то, во всяком случае, правдивее науки, а иногда – даже более точно, чем наука. Талантливый поэт может в двух-трех строфах выразить то, на что интеллектуалу-профессору понадобится десять страниц. Следующая история, приписываемая Линкольну Стеффенсу (25, р. 222), служит наглядной иллюстрацией этого тезиса.

"Как-то раз, – рассказывает Стеффенс, – прогуливаясь с Сатаной по Пятой авеню, я

увидел мужчину, который неожиданно остановился посреди улицы и жестом фокусника выхватил из пространства кусочек Истины – прямо из воздуха кусочек живой Истины.

– Ты видел? – спросил я у Сатаны. Он кивнул.

– И ты не боишься? Ведь этого хватит, чтобы погубить тебя.

– Да. Но я не боюсь, и могу сказать тебе почему. Пока она не оказалась в руках того человека, это была чудесная, полная жизни истина. Но он непременно захочет дать ей название. Потом, придумав ей имя, он захочет улучшить ее, он будет мять ее и кроить на свой лад, а когда закончит, она будет уже мертва. Если б он ее не прибирал к рукам, оставил там, где она была, позволил ей жить, – вот тогда бы она уничтожила меня. Но он завладел ею, и потому я могу быть спокоен".

"Свободное струение мысли, игра случайных образов, невнятные сны, бесцельные прогулки оказывают существеннейшее влияние на развитие личности, но в этом влиянии нет и следа целесообразности нет и намека на практическую пользу или материальную выгоду. Наша культура столь механистична, что такого рода формы активности, несмотря на чрезвычайную их важность для человеческого становления либо вовсе не привлекают к себе внимания ученых, либо не принимаются ими в расчет.

Лишь изжив в себе этот неосознанный механицизм, мы сумеем понять, что "бесполезное" играет не менее важную роль в деле человеческого развития, чем целесообразное. Даже эволюционисты вынуждены будут признать, что красота – не менее существенный фактор эволюции человека, чем польза, и не только с точки зрения сексуальной привлекательности, не только в смысле пользы для оплодотворения и продолжения рода, как это представлялось Дарвину. Я бы сказал, что мифологическое или поэтическое понимание природы, метафорическое и ритмическое ее описание нужно приветствовать так же, как мы приветствуем смекалку умелого механика, старающегося свести концы с концами, сэкономить материал, выполнить работу как можно более эффективно, без излишних затрат. Механистическая интерпретация ни в коем случае не более объективна, чем поэтическая, и та и другая могут быть одинаково полезны" (347, р. 35)

Гордон Олпорт вполне резонно замечает, что "бытие" не менее активно и требует не меньших усилий, чем "преодоление", и поэтому я вынужден уточнить свою позицию. Наверное, было бы разумнее противопоставить друг другу не преодоление и бытие, а "стремление к восполнению дефицита" и "стремление к самоактуализации". Это уточнение поможет нам избежать ложного впечатления о том, что "бытие", выражающееся немотивированным поведением и нецеленаправленной активностью, требует от человека меньших трат энергии, меньших усилий, чем "преодоление". Самоактуализацию нельзя понимать как *dolce far niente* [блаженная нега на лоне природы (итал.)], ошибочность подобной интерпретации можно продемонстрировать хотя бы на примере жизни Бетховена, которая служит образцом непрерывного стремления к развитию и самосовершенствованию.

"Жизнь каждого индивидуума можно рассматривать как непрерывную борьбу, как стремление к удовлетворению потребностей, стремление избавиться от напряжения и сохранить равновесие". "Таким образом ядром нашей теории становится постулат об обязательной взаимосвязи поведения с потребностями и целями. Если в каком то отдельно взятом случае этот постулат кажется лишенным смысла или непригодным к использованию – советуем сначала перепроверить свое наблюдение, прежде чем отказываться от теории. Зачастую мы называем поведение немотивированным только потому, что не можем установить, какая потребность, или какая цель стоит за ним. Порой оно кажется нам бесцельным потому, что мы рассматриваем только часть поведения, отдельную реакцию, искусственно изолируя ее от общего контекста поведения". "В настоящее время ни у кого уже не вызывает сомнений то, что любую реакцию живого существа можно считать целенаправленной уже потому, что любая реакция способствует выживанию вида, если, конечно, последнему волей судеб суждено выжить в борьбе за существование", "...любой поведенческий акт мотивирован и выражает ту или иную цель". "Лень, как разновидность человеческой активности, также служит определенной цели". "Всякое поведение детерминруется прессингом тех или иных потребностей. Поведение – это попытка противостоять натиску потребности при помощи взаимодействия с окружающей средой. Следовательно, можно утверждать, что любой поступок продиктован личной выгодой". "Человеческое поведение направлено на удовлетворение потребностей". "Всякое поведение чем-то мотивировано, всякое научение предполагает вознаграждение". "Само наличие тех или иных потребностей, в свою очередь, в значительной степени детерминировано степенью их осознания и – учитывая, что всякое поведение служит удовлетворению тех или иных осознанных или бессознательных потребностей, – степенью адекватности избранной формы поведения". "Любое поведение преследует какую-то цель..." "...большинство, если не все реакции индивидуума предполагают немедленное вознаграждение или наказание". "Есть такие формы поведения, которые позволяют нам сразу же предположить наличие конкретного мотива, но есть и другие, которые кажутся относительно немотивированными". "Нет ни одной реакции, за исключением простейших рефлексов, которую можно было бы счесть абсолютно немотивированной". "Этот принцип предполагает, что все формы поведения имеют под собой единую фундаментальную мотивацию: все они мотивированы физиологическими потребностями организма; неважно, как мы назовем сигнал к действию, который посылают нам эти потребности, – "инстинктом", "влечением" или "побуждением"". Все эти высказывания огорчительны еще и потому, что большинство из них апеллирует лишь к низшим, материальным потребностям.

"Селекцией ведает наше сознание: оно актуализирует полезные воспоминания и отказывает во внимании бесполезным. То же самое можно сказать о восприятии. Оно вычлняет из реальности ту ее часть, которая интересует нас; восприятие направлено не столько к вещам как таковым, сколько к смыслу вещей, к пользе, которую они могут принести воспринимающему человеку. Восприятие классифицирует вещи, обозначает и называет их; нам достаточно лишь мельком взглянуть на объект, чтобы отнести его к той или иной категории. К счастью, время от времени рождаются люди, которым не свойственно столь предвзятое, столь прагматичное отношение к жизни. Природа как будто забывает связать воедино их восприятие и поведение. Когда они смотрят на

объект, они видят объект, а не пользу, заключенную в нем, они воспринимают его ради него самого, а не ради себя. Они воспринимают без задних мыслей, не имея целью приспособить полученную информацию к обыденности, воспринимают, для того, чтобы воспринять, просто так, ни для чего, ради одного лишь удовольствия, которое приносит им процесс восприятия. Эту особенность их натуры – неважно, выступает ли она характеристикой сознания или чувств, – можно назвать отстраненностью; и в зависимости от того, какой именно сфере свойственна эта отстраненность – сфере чувств или сознания – они становятся либо живописцами, либо скульпторами, музыкантами или поэтами. В искусстве воплощено гораздо более непосредственное видение реальности, нежели в обыденном восприятии. Художник способен к более полному и более глубокому восприятию реальности уже потому, что не стремится извлечь пользу из своего восприятия" .(46, pp. 162-163)

Для того, чтобы перевести проблему в исследовательскую плоскость, достаточно опросить людей, прошедших курс психоанализа или психиатрического лечения. Я располагаю данными опроса тридцати четырех испытуемых, проведенного более чем через год после завершения курса психотерапии. Двадцать четыре испытуемых позитивно оценивали свой опыт, высказывались о нем с несомненным одобрением и даже с энтузиазмом. Из прочих десяти испытуемых двое высказали неудовлетворенность своими терапевтами, они отказались от продолжения курса до тех пор, пока не нашли себе других терапевтов, о которых отзывались весьма одобрительно. У четырех человек отмечались явные психотические тенденции. Один из них, в течение ряда лет общаясь с психиатром, понял, что лечение не приносит успеха, и в конце концов отказался от его услуг. Другой просто-напросто прервал курс психоанализа, едва успев начать его. Третий четырежды подвергался психоанализу и лишь о четвертом психоаналитике отзывался одобрительно. Седьмой из группы "неудовлетворенных" утверждал, что психоанализ пошел ему на пользу, однако полагал, что эта польза не стоит потраченных денег и времени. Он заявил, что психоанализ дал ему толчок для работы над собой. Восьмой испытуемый был уличен в гомосексуальных склонностях и был направлен на лечение постановлением суда. Лечение не пошло ему на пользу. Девятый испытуемый – сам психоаналитик – прошел курс психоанализа много лет тому назад и утверждал, что тот психоанализ, которому он был подвергнут, не соответствует современным стандартам. На этом основании он считал, что не проходил курс психоанализа. И наконец, последний из этих десяти – юноша, страдающий эпилепсией – был подвергнут психоанализу по настоянию родителей.

В контексте нашей дискуссии особенно примечательным мне кажется тот факт, что 34 "удовлетворенных" субъекта были вылечены терапевтами, представлявшими самые разные психотерапевтические школы, теории и методы!

Мы не всегда сознаем ценность дружбы, но это не умаляет ее значения, точно так же межличностные аспекты психотерапевтических отношений могут не осознаваться нами, однако присущий им целительный потенциал не станет от этого меньше. Ясно, что осознание этого потенциала и стремление воспользоваться им повысит эффективность психотерапии.

Эти выводы становятся более понятными и приемлемыми, если обратиться к рассмотрению мягких случаев нездоровья, когда потребности человека в любви и уважении могут быть удовлетворены непосредственно в процессе обычного межличностного общения, когда для их удовлетворения еще не требуется вмешательство профессионального психотерапевта. Ввиду исключительной сложности вопроса я оставляю в стороне проблему удовлетворения невротических потребностей, не рассматриваю последствия невротического удовлетворения.

Недопонимание этого факта с особой отчетливостью можно наблюдать в трудах, посвященных психологии детства. Пролистывая их, неоднократно наталкиваешься на заявления вроде: "Ребенку необходимо чувствовать любовь", "Ребенок ведет себя хорошо, чтобы сохранить любовь родителей". Но очевидно, что с тем же правом мы можем сказать: "Ребенку необходимо любить" или: "Ребенок ведет себя хорошо, потому что любит родителей".

Эти заявления в силу своей категоричности требуют некоторых оговорок. Мои рекомендации ни в коем случае не распространяются на хронических невротиков. Как бы мы ни старались победить невроз с помощью любви и сочувствия, вряд ли нам удастся обойтись без помощи профессионального терапевта (1). Уважение к народной психотерапии ни в коем случае не означает, что мы отказываемся от профессиональной психотерапии. Бывают случаи, когда без помощи профессионала человек в жизни оказывается беспомощным.

Считаю нужным предостеречь от излишнего субъективизма в данном вопросе. Общество, которое невротик называет плохим, на самом деле, в самом объективном смысле таковым и есть (даже для здорового человека). Оно дурное хотя бы уже потому, что порождает невротиков.

Различные виды групповой психотерапии также основывается главным образом на фрейдовской теории и фрейдовских методах, однако, в их репертуаре техник есть и несколько нововведений, такие как: 1) разнообразные техники рационального воздействия на пациента, прямой подачи пациенту необходимой информации; 2) техники осознания проблемы в процессе обсуждения сходных проблем других пациентов в группе. Сказанное лишь в очень малой степени можно распространить на методы поведенческой терапии.

Уже после того как я написал эти строки, вышли в свет две интересные книги, посвященные проблеме самоанализа. Одна из них принадлежит перу Хорни (200), а другая – Фарроу (127). Оба автора пишут о том, что человек может сам, посредством собственных усилий приблизиться к прозрению, даже к своего рода инсайту, достижимому обычно только с помощью профессионального психоаналитика. Большинство аналитиков не отрицают такой возможности, однако считают ее маловероятной, поскольку достижение инсайта требует от человека огромного желания, колоссального труда, мужества и терпения. Примерно та же самая мысль звучит во многих трудах, посвященных проблеме личностного роста (63, 189, 365, 366, 374, 415, 446). Несомненно, желание, настойчивость и терпение служат важнейшими

факторами личностного роста, но редкий человек способен пройти этот путь без помощи профессионала, "наставника", учителя, гуру.

По мнению Люси Джесснер, неотчетливость потребностей человека объясняется тем, что человек, в отличие от животных, склонен к чрезмерному их удовлетворению.

Я привожу это приложение лишь с незначительными поправками, поскольку 1) большинство из нижеследующих замечаний не потеряли своей актуальности и 2) нынешним студентам, думаю, будет небезынтересно узнать, был ли прогресс в этой области за прошедшие 15 лет.

Это приложение представляет собой ряд теоретических заключений, выведенных непосредственно из данных исследования структуры человеческой личности и ее бытия – и находится, так сказать, только на один шаг впереди этих данных и целиком на них основано.

Довольно-таки распространенным холистическим подходом (но без навешивания сего ярлыка) является метод итераций, применяемый при разработке личностных тестов. Я также использовал его в своих исследованиях личностных синдромов. Для того, чтобы прийти к пониманию целого, мы дробили его целостную структуру на части, затем на еще более мелкие части и т.д. С помощью такого анализа мы обнаруживали, в чем состоят трудности в использовании нашей исходной концепции целого. Далее целое организовывалось по-новому, переопределялось и переформулировалось более точно и эффективно, а затем предмет исследования подвергался анализу по прежней схеме. И каждый раз анализ становился все продуктивнее, все точнее определялось целое и т.д.

В настоящее время наиболее проницательные ученые и философы заменили идею причинности на ее новую интерпретацию в терминах "функциональных" связей. То есть, говоря языком математики, они устанавливают, что А есть функцией В или – если А, тогда В. Мне кажется, что поступая таким образом – заявляя о такой неизбежности и таком воздействии – они отказываются от использования основных аспектов причинной концепции. Простые линейные коэффициенты корреляции служат примерами функциональных формулировок, которые, однако, часто используются в качестве противопоставлений причинно-следственным связям. Вряд ли это послужит сохранению слова "причина", если под ним подразумевается нечто противоположное тому, что оно обычно означает. При этом в любом случае мы остаемся с проблемами вынужденных или внутренних взаимосвязей, и с проблемой определения способа, как происходят изменения. Эти проблемы обязательно должны быть решены, не следует откладывать их в сторону или отвергать вовсе.

Равнозначность может быть определена в терминах бихевиоральных различий и динамического сходства намерений. Она также может быть определена в терминах вероятности. Если симптомы А и В имеют одинаковую вероятность проявления в синдроме Х в каком-то конкретном случае, они могут быть названы равнозначными.

"Я должен был рассказать историю не о том, как кто-то проводит линию слева направо,

отмечая слева рождение, а справа смерть; но о том, как он размышляет в это время, как снова и снова вертит в руках карандаш". (Taggard G. Life and Mind of Emily Dickinson, Knopf, 1934, p. 15.)

Исключение из этого правила см. в главе 14.

И все же, это кажется довольно спорным вопросом: будет ли синдром чем-то иным, нежели простое объединение его частей? Редуцированные части могут прибавляться только к итоговой сумме таких же редуцированных частей; тогда как части целого – как это замысливалось в соответствии с принятой терминологией – могут прибавляться только к организованному целому.

См. критику Кёлера критериев Эренфельса (239, p. 25)

Мы описываем в этих примерах только синхронную динамику. Вопросы о природе или определении синдрома в целом, о том, как происходит циркулярное детерминирование, – вопросы эти имеют прежде всего историческое значение. Даже если такой генетический анализ обнаружит какие-то особые факторы, которые будут поставлены на первое место, это ни в коей мере не гарантирует того, что тот же фактор будет иметь такое же основополагающее значение для динамического анализа. (6)

Такие сведения часто истолковываются неверно, так как нередко используются для опровержения любой теории появления психопатии, вызванной изменениями окружающей обстановки или культурной среды. Такое оспаривание просто говорит о непонимании динамической психологии. На самом же деле конфликты и угрозы в большей степени, чем внешние катаклизмы, выступают непосредственными причинами психопатии. Внешние бедствия оказывают динамическое влияние на человека, по крайней мере, до тех пор, пока они воздействуют на его основные личные цели и на его защитную систему.

В наше время это было бы названо бихевиоральной терапией.

Эта тенденция тесно связана с описанной ранее склонностью к внутреннему постоянству.

"Но никто не сможет открыть, что существуют такие вещи, как человеческие лица, если он будет смотреть на мир через микроскоп". (Коффка К. "Принципы гештальт-психологии", Harcourt, Brace & World, 1935, p.319)

Здесь наблюдается склонность сторонников холистической психологии не доверять корреляционным методам, но я думаю, что это происходит потому, что эти методы использовались ранее исключительно в атомистических теориях, а не потому, что они вступают в противоречие с холистической теорией. Но хотя самокорреляция не вызывают доверия у обычного статистика (как будто в организме можно ожидать чего-нибудь еще!), они нуждаются в том, чтобы этого не было, когда к рассмотрению принимаются некоторые холистические явления.

К примеру, роль ситуации может быть исключена из детерминант поведения, если представить ее достаточно неотчетливой, как это делается при проведении различных тестов. Также, в некоторых случаях требования организма бывают настолько сильными – как, например,, у душевнобольных, что они ведут к попыткам отрицать законы внешнего мира и игнорировать нормы культуры. На сеансах психоанализа иногда намеренно пытаются исключить влияние культуры. В некоторых ситуациях культурное воздействие может быть ослаблено – как, например, в случаях опьянения, гнева или других видах неконтролируемого поведения. Существует множество типов поведения, которые на подсознательном уровне определяются культурой – так называемые экспрессивные движения. Так же можно изучать поведение относительно несдержанных людей, детей, чья подверженность нормам культуры еще слаба, животных, которым эти нормы недоступны, общества с другими культурными традициями, чтобы по контрасту исключить культурные влияния. Эти немногие примеры показывают, что продуманные, теоретически подготовленные исследования поведения могут прояснить вопрос о внутренней организации личности.

Kasner, E. and Newman, J., Mathematics and the Imagination, Simon & Schuster, 1940, pp. 301-304.)

Представляется возможным распространить эти замечания и на сам английский язык, который слишком склонен отражать мировую атомистическую теорию нашей культуры. Неудивительно, что при описании данных синдрома и законов его изменения, мы должны прибегать к нелепым аналогиям и оборотам речи, а также к различным языковым ухищрениям. У нас есть союз и для связи двух отдельных понятий, которые, на самом деле, не разделены и при объединении образуют единство, а не двойственность. Единственной заменой, которую я могу предложить для этого важного союза, служит неуклюжее выражение "структурирован с". Существуют другие языки, которые более пригодны для описания холистического, динамического мировоззрения. На мой взгляд, агглютинативные языки больше подходят для отражения холистического мира, чем английский. Еще одна проблема состоит в том, что наш язык формулирует представления о мире, как это делает большинство математиков – то есть в виде элементов и взаимосвязей, материи и предметов, созданных по случаю. Существительные трактуются как если бы они были видом материи, а глаголы – как если бы они были видом воздействия одной материи на другую. Прилагательные более точно описывают свойство предмета, а наречия более точно описывают характер действия. Холистико-динамический подход не применяет подобной дихотомии. В любом случае слова должны быть вытянуты в прямую линию, даже при описании данных синдрома (275).